

ВВЕДЕНИЕ

Основа частного права, движущая сила современного гражданского оборота и многие другие определения можно встретить в литературе в попытке описать значение автономии воли, в первую очередь ее наиболее известного проявления — свободы договора. В принципе автономии воли заложены уважение правопорядка к индивиду и признание верховенства его воли в сфере частного права, возможность осуществлять саморегулирование. Только в предоставлении свободы индивиду проявляется отношение к частному субъекту как к лицу, наделенному достоинством и возможностью управлять своей жизнью, в том числе путем совершения свободного обмена благами.

Несмотря на то что в каких-то правовых сферах автономия воли серьезно ограничена (например, в вещном или семейном праве)¹, общий принцип остается неизменным. Помимо философского значения этого принципа — примата воли индивида следует отметить и его утилитарное значение, позволяющее частным лицам выстраивать свои отношения наиболее удобным для них образом, максимизировать свое благосостояние, соответственно и общее благосостояние общества. Другими словами, свобода воспринимается и как цель сама по себе, и как средство для достижения социально желательных целей.

В одной из наиболее известных сравнительно-правовых работ XX в. признается, что свобода договора является неотъемлемой чертой всех развитых правопорядков, независимо от того, какое основание под это подводится (автономия воли, максимизация благосостояния и пр.)².

Важно отметить, что и российское право называет автономию воли в числе основных признаков частноправовых отношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Более того, данный принцип хотя и не поименован в Конституции РФ, тем не менее напрямую связан с целым рядом статей (ст. 8, 34, 35) и может быть обозначен как имеющий конституционное значение, что подтверждается и позициями Конституционного Суда Российской Федерации³.

В настоящее время никто не ставит под сомнение наличие автономии воли у частных субъектов как исходной точки рассуждений.

¹ См.: Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 4–20.

² См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: В 2 т. Т. I: Основы; Т. II: Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / Пер. с нем. М., 2010. С. 320–322.

³ Например, см. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 № 9-П.

Основное обсуждение сосредоточилось на том, какие мотивы могут быть положены в основу ее ограничения. «Проблема свободы есть проблема ее пределов»¹.

Автономия воли² находит свое воплощение также и в корпоративном праве: например, при учреждении юридического лица и принятии решения об изменении устава³, заключении корпоративных договоров или изменении корпоративных правоотношений иным образом. Вопрос о том, каковы пределы автономии воли в этой правовой сфере, является одним из центральных в юриспруденции последних нескольких десятилетий. При этом особое значение дискуссии здесь придают динамизм хозяйственной жизни и, без преувеличения, фантастическая по меркам развития права скорость изменения корпоративного законодательства⁴.

Нельзя сказать, что Россия оставалась в стороне от этой дискуссии, напротив, некоторое погружение в российскую дореволюционную литературу дает понимание того, что спор о «свободе договора» в корпоративном праве возник более ста лет назад и был прерван лишь в силу трагических событий российской истории начала XX в.

Новый виток дискуссии возник в прошлом десятилетии, спор разгорелся в настоящий «пожар» при обсуждении и принятии поправок в ГК РФ в 2008–2014 гг., частью которых стали изменения в гл. 4 ГК РФ, посвященную юридическим лицам.

¹ Именно с этих слов начинается центральная в испанской литературе монография, посвященная обсуждению пределов автономии воли в корпоративном праве, см.: *Gándara L.F. La atipicidad en derecho de sociedades*. Zaragoza, 1977. P. 5.

² В настоящей работе используется термин «автономия воли и ее пределы» как наиболее абстрактное выражение обсуждаемой идеи. Использование термина «свобода договора» применительно к корпоративному праву, как представляется, является методологически небезупречным, поскольку создает иллюзию договорной теории юридического лица, чего хотелось бы избежать. Кроме того, отвечает это и континентальной традиции, где в дискуссиях о том, что можно и чего нельзя в корпоративном праве, преимущественно используется упомянутая терминология.

³ См.: *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Условия функционирования и границы частной автономии. С. 8.

⁴ Достаточно посмотреть в справочно-правовых базах, в каком объеме и как часто вносятся изменения в федеральные законы об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью: незначительная правка — каждые год-два, при этом один раз в пять-семь лет — значительные реформы! Что это, результат неизбежного развития жизни или противоестественные попытки описать все «что можно» и «чего нельзя», потому что без этого практика и суды не принимают никаких новелл? Однако каждый раз внесенные поправки, разумеется, не охватывают всего богатства жизни и все начинается вновь, в результате — закон все больше и больше напоминает банковскую инструкцию.

В частности, в новой редакции ГК РФ появилась ст. 66.3, которая разделяет корпорации на публичные и непубличные, вводя для последних принцип диспозитивности: по единогласному решению участников (акционеров) в устав могут быть включены положения, предусматривающие иное регулирование, чем предписывает закон.

Спор, начавшийся в ходе этой реформы с постановки вопроса об обоснованности повсеместной императивности отечественного корпоративного законодательства¹, закончился эмоциональными обвинениями со стороны представителей консервативного лагеря в адрес сторонников либерализации корпоративного права в «американизации» российского корпоративного права, лоббировании интересов бизнеса и безнравственности подходов². Как это нередко бывает, обе крайне противоположные позиции нельзя признать правильными.

С одной стороны, мы не можем согласиться с теми обвинениями, которые некоторые российские юристы предъявляют отечественному корпоративному праву, всячески подчеркивая его отсталость от «передовых зарубежных образцов». Напротив, российское право не исключение, похожие процессы переосмысления в отношении диспозитивности идут во многих европейских правовых порядках³.

С другой стороны, сейчас можно утверждать, что не только в российском правовом порядке, но и в тех же самых континентальных европейских правовых порядках императивность корпоративного права больше не рассматривается как неоспоримая догма.

Тяжелая поступь сторонников «свободы договора» в корпоративном праве слышна по всему европейскому континенту, свидетельством чего являются реформы, проведенные в 1990-х и 2000-х гг. во

¹ Подробнее см.: *Степанов Д.И.* Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященных памяти М.И. Брагинского / Под ред. В.Н. Литовкина и К.Б. Ярошенко. М., 2013. С. 335–344.

² См.: *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 23–25.

³ Так, например, в программной статье испанского профессора Х.К. Пас-Ареса «Как мы понимаем и как применяем корпоративное право?», ознаменовавшей новую попытку разрыва с традиционным пониманием корпоративного права, отмечалось, что императивный уклон испанского права является продуктом доктрины и правоприменения, поскольку законодательство редко содержит указания на то, что соответствующие правила не могут быть изменены или отменены (см.: *Paz-Ares J.C.* *Cómo entendemos y cómo hacemos el Derecho de sociedades?* (Reflexiones a propósito de la libertad contractual en la nueva LSRL) // *Tratando de la Sociedad Limitada* (Paz-Ares, Coord). Madrid, 1997. P. 163–165). Подобное положение дел наверняка покажется знакомым отечественному юристу. И именно по этой причине главная «битва» — это битва за умы, а вовсе не за тексты законодательных актов.

многих ведущих странах (Германии, Франции, Испании)¹. Следует отметить также усилия международных институций, в частности, можно упомянуть документ под названием «План действий в сфере европейского корпоративного права и корпоративного управления» (2012 г.)², подготовленный по инициативе Европейской комиссии, где обращается внимание и на необходимость продолжения работы над статутом о наднациональном обществе с ограниченной ответственностью, обеспечивающим простые и гибкие правила, и на то, что малые и средние предприятия нуждаются в облегчении условий для ведения бизнеса на территории Европейского союза.

Дополнительно отметим, что представляется ошибочным в ходе дискуссии о свободе договора в корпоративном праве противопоставлять некий англо-американский подход правовым порядкам континентальных государств, поскольку это было бы обобщением, вводящим в заблуждение, ибо существуют более чем серьезные различия между последними³. Так, правовой порядок Германии занимает наиболее радикальную позицию в отношении ограничения автономии воли участников корпорации, а романские страны⁴ — достаточно умеренную. Даже в австрийском правовом порядке, наиболее близком к германскому, отсутствует аналогичная немецкой норма о запрете отступать в ус-

¹ Подробнее см.: *Navarro Matamoros L.* La libertad contractual y flexibilidad tipológica en el moderno derecho europeo de sociedades: la SAS francesa y su incidencia en el derecho español. Granada, 2009. P. 3–13; *Bachmann G.* Renovating the German Private Limited Company — Special Issue on the Reform of the GmbH // German law journal. 2008. № 9.

² http://ec.europa.eu/internal_market/company/modern/index_en.htm#consultation2012.

³ Краткий обзор см.: *Grundmann S.* European Company Law: Organization, Finance and Capital Markets. 2nd ed. Antwerp., 2012. P. 252–253; *Hopt K.J.* Directors' duties and shareholders' rights in the European Union: mandatory and/or default rules? (http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2749237). P. 5–14.

⁴ См., например, ст. 28 Закона Испании о компаниях, которая прямо закрепляет: участники (акционеры) могут заключать любые соглашения и включать любые правила в уставы, при условии, что это не будет противоречить закону и принципам избранного типа общества. Иными словами, налицо закрепление в законе формулировок, созвучных принципу свободы договора. Правда, несмотря на это, в доктрине и правоприменительной практике все еще сильны консервативные взгляды. Так, в одном из авторитетных комментариев к Закону Испании о компаниях утверждается, что все нормы Закона должны презюмироваться как императивные, в том числе нормы, регулирующие такую организационно-правовую форму, как общество с ограниченной ответственностью, большая гибкость которой заключается лишь в том, что в большинстве регулирующих эту организационно-правовую форму правил содержится специальная оговорка о возможности установления иного (см.: *Comentario de la Ley de Sociedades de Capital. T. I / Rojo A., Beltran E.* (coords.), Civitas-Thomson Reuters, Cizur Menor. 2011. P. 391–392 (автор комментария — A. Vaquerizo).

таве акционерного общества от правил, предусмотренных законом. Напротив, в 2013 г. Верховный суд Австрии принял решение, в котором указал, что данное правило не является верной интерпретацией австрийского корпоративного права и нелистингованные компании пользуются автономией воли в определении содержания устава¹.

В связи с этим представляется, что вопрос о пределах автономии воли заслуживает обстоятельного обсуждения, в том числе с учетом аргументации, высказанной в зарубежной литературе.

Автономия воли будет рассмотрена во взаимосвязи с институтом корпоративного договора, обратной силой закона, а также с рядом частных случаев, в которых возникает вопрос о пределах автономии воли.

Следует отметить, что настоящая работа ни в коем случае не преследовала цель дать некий программный ответ на все вопросы, особенно учитывая то, что любое исследование такой глобальной темы, как автономия воли, пусть и в отдельной сфере, едва ли может претендовать на это. Скорее можно говорить о попытке систематизировать и обобщить основания ограничения автономии воли, которые даже в зарубежной литературе редко обсуждаются в концентрированном виде, и продемонстрировать их на конкретных ситуациях.

¹ См.: *Hopt K.J. Directors' duties and shareholders' rights in the European Union: mandatory and/or default rules?* Р. 13. Однако австрийский суд все же перечислил ряд положений, которые являются императивными (относящиеся к существу организационно-правовой формы, защите кредиторов, защите акционеров на основе принципа равенства акционеров и условиям, направленным на защиту общего блага).

ГЛАВА 1.

АВТОНОМИЯ ВОЛИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И СВОБОДА ДОГОВОРА

Как известно, одна из наиболее четких разделительных линий в дискуссии о пределах автономии воли в корпоративном праве проходит по вопросу о том, можно ли рассматривать корпорацию как договор. Так, отдельные авторы склоняются к тому, что сфера корпоративных правоотношений ничем принципиально не отличается от договорного права и поэтому на нее также можно распространить общую логику принципа свободы договора¹.

Однако видится глубоко ошибочным подходить к изучению вопроса с точки зрения дихотомии — договорный — недоговорный, относить первых соответственно к сторонникам либерализации корпоративного права, а вторых — к сторонникам императивности. Выбор диспозитивность/императивность вовсе не равен выбору договорный/недоговорный подход², договорное право также содержит много императивных норм³.

В качестве единственных сторонников договорного подхода нередко называют представителей экономического анализа права⁴, доводы которых в наиболее упрощенном виде сводятся к тому, что компания представляет собой совокупность контрактов (*nexus of contracts*), из чего делается вывод о том, что задача корпоративного законодательства в целях экономии издержек предоставлять участникам корпоративного отношения стандартный контракт по аналогии с диспозитивными нормами в классическом договорном праве. При этом участники вправе исключить применение тех или иных норм, поскольку предполагается,

¹ См.: Степанов Д.И. Свобода договора и корпоративное право. С. 339—340.

² См.: *Bebchuk L.A.* Debate on the freedom of contract in Corporate Law // *Columbia Law Review*. 1989. Vol. 89. № 7. P. 7—8 (здесь и далее ссылки на страницы приводятся по электронной версии: http://www.law.harvard.edu/programs/olin_center/papers/pdf/Bebchuk_63.pdf).

³ См.: *Coffee Jr. J.C.* The mandatory/enabling balance in corporate law: an essay on the judicial role // *Columbia Law Review*. 1989. Vol. 89. № 7. P. 1619. Впрочем, данное утверждение, наверное, можно признать неким общим местом, которое вовсе не нуждается в ссылке на какого-либо конкретного автора.

⁴ Подобное характерно не только для российской дискуссии, см., например: *Sanchez Gonzalez J.C.* La autonomía de la voluntad en la configuración estatutaria de las sociedades de capital // *Autonomía de la voluntad en el Derecho privado: Estudios en conmemoración del 150 aniversario de la Ley del Notariado*. Т. II. Derecho mercantil. Wolters Kluwer España, 2012. P. 18—19.

что в ходе переговоров достигается наиболее экономически приемлемый результат¹.

Именно так данная позиция обычно иронично или с явным негативом воспроизводится консервативно настроенными отечественными² и зарубежными авторами³. Справедливости ради надо сказать, что зарубежные авторы все же делают оговорку о том, что, разумеется, вышеуказанное изложение позиции сторонников договорного подхода является упрощением и вовсе не отрицает существование императивных норм⁴.

Следует отметить, что радикальная позиция — полная договорная свобода была подвергнута критике. Так, М. Клауснер еще в 2007 г. указывал, что теория совокупности контрактов никогда не была точной в описании, поскольку базировалась на совершенных рыночных презумпциях (полноте информации, нулевых издержках) и недостаточных эмпирических доказательствах, и хотя и сыграла существенную роль в развитии экономически ориентированных исследований в области корпоративного права, тем не менее является лишь стартовой площадкой для дальнейшей работы⁵.

Впрочем, и в период расцвета этой теории в 1980-е гг. у нее хватало критиков. По мнению автора одной из статей, содержащих критику договорного подхода, сторонники последнего сначала утверждают, что корпорация есть контракт (совокупность договоров), а далее из этого делают вывод: все правила должны быть диспозитивны, тогда как на самом деле договорный подход дискриптивно ошибочен, поскольку юридическое лицо создается хотя и частным волеизъявлением, но на основании установленных законом правил, многие, если не большинство из которых, имеют императивную природу⁶.

Другой автор обращал внимание на то, что утверждение «корпорация — совокупность контрактов» является выводом, который слож-

¹ Для более полного ознакомления с этой позицией можно рекомендовать работу наиболее ярких представителей этого течения, см.: *Easterbrook F.H., Fischel D.R. The Economic Structure of Corporate Law*, 1991. P. 1–39; на русском языке см.: *Капанетов А.Г. Экономический анализ права*. М.: Статут, 2016. С. 237; *Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права* // Вестник экономического правосудия. 2016. № 9. С. 107–111.

² См.: *Суханов Е.А.* Указ. соч. С. 18–19.

³ См.: *Roth G.H., Kindler P. The Spirit of Corporate Law. Core Principles of Corporate Law in Continental Europe*. Munchen, 2013. P. 3–4.

⁴ Ibidem.

⁵ См.: *Klausner M. The Contractarian Theory of Corporate Law: A Generation Later* // *Journal of Corporation Law*. 2006. Vol. 31. P. 781.

⁶ См.: *Eisenberg M.A. The structure of corporation law* // *Columbia Law Review*. 1989. Vol. 89. № 7. P. 1486–1487.

но поддается какому-либо доказательству¹. Более того, презумпции, на которых основываются экономисты, далеки от жизни, тогда как юридическая наука работает с реальным миром и не исключает возможность существования альтруизма и желания действовать сообща².

В литературе отмечалось и то, что экономическая теория оперирует такими имеющими для юриста туманное значение терминами, как «подразумеваемый контракт»³ и то, что максимизация благосостояния не является единственной целью корпоративного права⁴.

Последние исследования показывают исходный посыл — рациональное поведение участников рынка опровергается эмпирическими данными, подтверждающими, что человеческое поведение не исключает разного рода ошибок⁵.

В конечном счете агрессивный договорный подход и предлагаемая им полная свобода сегодня отвергаются. Так, в одной из наиболее известных сравнительно-правовых работ в области корпоративного права 2000-х гг. «Анатомия корпоративного права» авторы именуют используемый ими метод исследования функциональным, хотя при этом признают, что, возможно, более точным было бы экономическим, но делать этого они не стали из-за некоторой предвзятости, с которой за пределами США воспринимаются такие исследования, вызванной прежде всего тем, что экономические исследования нередко игнорируют неимущественные мотивы и основываются на далекой от реальности презумпции рациональности⁶.

Таким образом, говоря непредвзято, сам по себе договорный подход к корпорации сейчас основывается вовсе не на безусловной презумпции полной договорной свободы, он предполагает множество оговорок, которые будут рассмотрены далее.

Однако, на наш взгляд, отнюдь не в этом главное основание полагать, что является ошибочным подход, заключающийся в отождеств-

¹ См.: *Bratton Jr. W.W.* The «nexus of contracts» corporation: a critical appraisal // *Cornell Law Review*. 1989. Vol. 74. № 3. P. 410.

² *Ibid.* P. 430.

³ См.: *Gordon J.N.* The mandatory structure of corporate law // *Columbia Law Review*. 1989. Vol. 89. № 7. P. 1549.

⁴ *Ibid.* P. 1551, 1554.

⁵ См.: *Schmolke K.U.* Expulsion and Valuation Clauses — Freedom of Contract vs. Legal Paternalism in German Partnership and Close Corporation Law // *European Company and Financial Law Review*. 2012. № 3. P. 406–408 (<http://ssrn.com/abstract=1986799>); на русском языке подробное описание проблемы ограниченной рациональности см.: *Капанетов А.Г.* Экономический анализ права. С. 65–103.

⁶ См.: *Armour J., Hansmann H., Kraakman R.* What is Corporate Law? // *The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford, 2009. P. 4.

лении корпорации и договора и тем самым в «притягивании» принципа свободы договора к корпоративному праву¹. Как видится, авторы такой позиции идут по тому же неверному пути, что и многие из их противников, — догматизации свободы, т.е. приписывании свободы по критерию того, что эти отношения «как договор», тем самым подменяя содержательное обсуждение проблемы неким общим (мы бы даже сказали, схоластическим) спором о природе корпорации.

Принцип свободы договора не универсален, хотя бы в силу того, что исторически он формировался без учета корпоративного права и не для регулирования соответствующих отношений. В связи с этим независимо от теоретических воззрений на природу корпорации нельзя ограничиваться простой ссылкой на свободу договора, поскольку это было бы в духе так называемой юриспруденции понятий, игнорирующей реальность и оперирующей только теоретическими концептами. Автономия воли в корпоративном праве нуждается в самостоятельном обсуждении.

Несмотря на то что по многим формальным признакам совершаемые участниками акты — решения подпадают под определение сделки, а именно волеизъявления, направленного на возникновение или изменение правоотношения (в данном случае корпоративного), большая часть правил о сделках и договорах к нему не подходит или требует оговорки. Аргументы, приводимые в отечественной литературе в опровержение договорной теории (как, например: принцип большинства противоречит договору, особые правила недействительности и пр.²), в большинстве случаев свидетельствуют не в пользу недоговорной природы устава, а в пользу того, что корпоративные отношения требуют особой регламентации, учитывающей эффект для третьих лиц и необходимость защиты участников от несправедливых или непредвиденных изменений устава.

По тем же самым причинам нельзя считать, что, опровергнув договорную природу корпорации, можно предопределить решение вопроса о пределах автономии воли участников корпорации.

Образование корпорации представляет собой сделку³, как, впрочем, и последующие модификации корпоративного правоотношения (например, решение об изменении устава), а следовательно, невозможно избежать обсуждения вопроса о пределах автономии воли, поскольку

¹ См.: *Степанов Д.И.* Свобода договора и корпоративное право. С. 322, 340 и далее.

² См.: *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 246–247.

³ См.: *Суханов Е.А.* Указ. соч. С. 31, 51; *Степанов Д.И.* Свобода договора и корпоративное право. С. 321–322; *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 254.

он возникает в отношении любых сделок, а не только договоров¹. Автономия воли является фундаментальным основанием всего частного права.

Схожие аргументы высказывают некоторые отечественные авторы, которые акцентируют внимание на том, что гражданское право основано на началах диспозитивности, и исходя из этого говорят о том, что диспозитивным должно быть и корпоративное право².

В связи с этим трудно согласиться с позицией противников договорного подхода, которую разделяет, в частности, Е.А. Суханов. В своих работах автор неизменно отвергает «англо-американский» договорный подход как попытку «экономизации» юридического лица³.

Такое неприятие договорного подхода вызывает удивление, хотя бы потому, что сам по себе он был известен задолго до появления экономического анализа права. Более того, напротив, настойчивое намерение представителей этого направления показать юридической науке, какова истинная природа компании, вряд ли может найти понимание, поскольку юриспруденция в этом не нуждается, будучи знакома с договорным подходом как минимум с XIX в.^{4,5} Новизна заключается разве только в том, что теперь обновленный договорный подход не отрицает существование юридического лица, а лишь указывает на то, что договорный характер имеет отношения, скрывающиеся за маской юридического лица⁶.

¹ См.: Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9.

² См.: Бабкин С.А. Принципы диспозитивности и свободы договора в корпоративном праве России // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Изд-во «Юрайт», 2009. С. 138–139.

³ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С. 18–19.

⁴ См.: Bratton Jr. W.W. Op. cit. P. 424.

⁵ Разница заключается лишь в том, что экономический анализ права делает вывод о необходимости максимальной свободы договора исходя из представлений о том, что стороны договора будут выбирать наиболее оптимальное регулирование, увеличивающее общее благосостояние, тогда как «традиционная» юриспруденция основывает свободу договора на базовой предпосылке о том, что дееспособное лицо вправе самостоятельно определять, в какие отношения ему вступать и на каких условиях, и на это не требуются санкции правопорядка.

Представляется, что преувеличение роли экономического анализа права в дискуссии об автономии воли отражает скорее то, что только в нем его противники видят серьезное препятствие для императивности корпоративного права, тогда как естественно-правовой аргумент об изначальной свободе как естественном состоянии индивида не кажется им значимым.

⁶ См.: Bratton Jr. W.W. Op. cit. P. 427. Однако и в данном случае новизну можно поставить под сомнение. Достаточно вспомнить работу В.Б. Ельашевича, которая, фор-

И в самом деле, знакомство с отечественной дореволюционной литературой показывает, что договорная теория имела определенную поддержку¹. Так, например, в замечаниях П. Цитовича на проект об акционерных компаниях 1872 г. находим: «...в акционерном товариществе мы встречаемся, прежде всего, с такими особенностями, которые мы знаем уже из других отделов гражданского права; а если так, то даже в силу одного этого акционерное товарищество из выпященного нимба административных поощрений, попечений, предупреждений и пресечений низводится на обыденную, но зато более прочную почву гражданского права... является одним из договорных отношений между частными лицами, и больше ничего... Вследствие этого верховным критерием акционерного законодательства является чисто цивилистическое соображение: насколько в этом законодательстве проведена и соблюдена так называемая свобода соглашений. Ограничения этой свободы, конечно могут быть допущены, только каждое из таких отступлений должно быть мотивировано и мотивировано сильно... Потому можно прямо сказать, что всякое акционерное законодательство, как бы ни было оно полно (т.е. обильно статьями), не может рассчитывать на устойчивость и продолжительность своего действия, коль скоро без особенной нужды оно нарушает верховный принцип свободы соглашений»².

Идея «свободы» в корпоративном праве укоренена в истории гораздо глубже, чем это принято считать в современное время, и хотя бы поэтому нуждается в более серьезном анализе, чем просто обвинение в «американизации» и «экономизации» российского корпоративного права.

Подводя итог, можно отметить, что спор о том, является ли корпорация договором, сам по себе не предопределяет, должны ли участники корпорации обладать автономией воли и каковы ее пределы.

мально касаясь узкого аспекта — юридических лиц в римском праве, на самом деле завершалась общими выводами о том, что юридическое лицо лишь маска, за которой могут скрываться самые разные отношения (см.: *Ельяшевич В.Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве (напечатано по одноименной работе 1910 г.) // Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 421—430).

¹ См.: Проект статей об акционерном обществе с объяснительной запиской / Сост. Э.Э. Пирвиц под рук. А.А. Книрима. СПб., 1898. С. 7—15; см. также: *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 242—244.

² *Цитович П.* Проект положения об акционерных обществах // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 1. С. 204—205.